

УДК 811.16/38

Трофимов А.А.*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова***К ЭТИМОЛОГИИ ПРАСЛАВЯНСКОГО *ХУДЪ
(ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)***

Аннотация. Статья посвящена проблеме этимологии праславянского прилагательного *худъ. Последовательно рассматриваются три версии, которые заслуживают внимания: сопоставление с др.-инд. *kṣudrá-* ‘маленький’, впервые выдвинутое А.А. Потебнёй и Х. Педерсеном, гипотеза о заимствовании из скифского (осет. *Fyd / fud* ‘плохой, злой’), принадлежащая В.В. Иванову, а также предположение А.С. Мельчука о близком родстве праслав. *худъ и *хуль. Делается вывод, что традиционная этимология не может быть принята из-за различной семантики славянских и индоиранских лексем, а версия В.В. Иванова неприемлема по фонетическим соображениям. Связь же праслав. *худъ и *хуль представляется наиболее вероятным решением.

Ключевые слова: этимология, праславянский, заимствование, семантическая реконструкция, семантический переход, фонетическая субституция.

A. Trofimov*Lomonosov Moscow State University***ON ETYMOLOGY OF PROTO-SLAVIC *ХУДЪ (A COMPARATIVE STUDY)**

Abstract. This paper examines three etymologies of Proto-Slavic *худъ. They are the traditional etymology proposed by A.A. Potebnya and H. Pedersen according to which this word is connected with Ol *kṣudrá-* ‘small’, the hypothesis of V.V. Ivanov who connects *худъ with Ossetic *fyd / fud* ‘bad, evil’ and also the assumption of A.S. Melnichuk who believed that *худъ is at first to be compared with Proto-Slavic *хуль. The paper shows that the traditional etymology cannot be accepted because of semantics, and the version of V.V. Ivanov is phonetically impossible. It means that comparison of *худъ and *хуль is the most probable solution.

Key words: etymology, Proto-Slavic, loanword, semantic reconstruction, semantic change, phonetic substitution.

Праславянское прилагательное *худъ¹, от которого происходит русское слово *худой* и соответствующие лексемы в других славянских языках, представляет определённую этимоло-

© Трофимов А.А., 2014.

¹ Мы специально воздерживаемся от перевода, потому что установление исходного праславянского значения представляется нетривиальной задачей. Ниже данная проблема будет подробно рассмотрена.

гическую проблему. Существует традиционная этимология, найденная ещё в младограмматический период, согласно которой ст.-слав. *хоудъ* ‘ничтожный, слабый; маленький; краткий; бедный, нищий’ (перевод приводится по: [28, с. 803–804]) необходимо сравнивать с др.-инд. *kṣudrá-* ‘маленький; бедный, нищий’ – слово, в свою очередь, связанное с глаголом *kṣódati*

‘толчёт, дробит’. Согласно «Этимологическому словарю славянских языков», данную этимологию первым выдвинул А.А. Потебня [8, с. 121], а несколькими годами позже её независимо предложил Х. Педерсен в своей знаменитой статье «Индоевропейский *s* в славянском» [25, s. 60], см.: [12, с. 112–113].

Ряд других ранних этимологий был менее удачен. Сравнение праслав. **xudъ* с арм. *xin* ‘маленький’, гот. *hauns* ‘низкий’, предложенное А. Мейе, должно быть признано неудачным, поскольку предполагает реконструкцию и.-е. **k^h* [12, с. 113]. Сближение же праслав. *xudъ* с древнеиндийским корнем *kṣudh-* ‘быть голодным’ (др.-инд. *kṣodhuka-* ‘голодный’, *kṣudhyati* ‘голодает’), принадлежащее В. Махеку [12, с. 113], не может быть признано удовлетворительным ввиду того, что иранское соответствие, мл.-авест. *šuda-* ‘голод’, указывает на реконструкцию палатального гуттурального [24, s. 434–435]. Кроме того, древнеиндийский корень скорее связан с хетт. *kâdt-* / *kišt-* ‘голод’, тох. А *kašt*, тох. В *kest* ‘голод’, вед. *jásuri-* ‘голодный (о волке или орле)’ и должен реконструироваться в виде **ġs-ud^h*- [27, s. 36].

Итак, сопоставление праслав. *xudъ* с др.-инд. *kṣudrá-* стало общепринятым, и его можно обнаружить как в работах разного времени, посвящённых славянским языкам [12, с. 112–113; 19, p. 205], так и в этимологических словарях древнеиндийского [30, s. 72; 24, s. 439].

Тем не менее, несмотря на единогласие многих исследователей, недавно появилось заслуживающее внимания альтернативное объяснение, принадлежащее В.В. Иванову. Мотивируя свой отказ от сопоставления изучае-

мой единицы с др.-инд. *kṣudrá-* тем, что «семантическая сторона этой традиционной этимологии сомнительна, как и фонетические соотношения, ей предполагаемые» [4, с. 545], исследователь предположил, что праслав. *xudъ* может быть заимствованием из скифского **fud* (осет. *fyd* / *fud* ‘плохой, злой, дурной’). С точки зрения В.В. Иванова, «семантические обертоны русск. *xудой* ‘тощий’ сопоставимы с аналогичным значением осет. *fyd-x^{yz}* ‘дурно выглядящий, истощённый’», и «русская пословица *нет худа без добра* близка к осет. *fyd, xorz aem ma sdzur* ‘ни плохого, ни хорошего ему не говорите’» [4, с. 545].

В целом достаточно лаконично обосновывая свою версию, В.В. Иванов никак не поясняет первое своё утверждение о фонетической и семантической сомнительности сопоставления рассматриваемой единицы с *kṣudrá-* ‘маленький; бедный, нищий’ и другими родственными индоиранскими формами.

Данную проблему мы бы хотели детально рассмотреть в своей статье. Коснёмся фонетических, акцентологических и семантических параметров как традиционного сопоставления, так и новой этимологии В.В. Иванова. В заключение будет рассмотрен ещё один вариант этимологии праслав. **xudъ*, который предлагался А.С. Мельничуком, согласно которому ближайший родственник рассматриваемого прилагательного – праслав. **xylъ* ‘хилый, слабый’, а оба эти слова восходят к и.-е. **kes-* ‘чесать’ [7, с. 214–215].

Прежде чем приступить к рассмотрению версии Потебни – Педерсена, приведём список основных когнатов, о которых далее пойдёт речь: др.-

инд. *kṣódati* ‘толчёт, дробит’, *kṣudrá-* ‘маленький; бедный, нищий’, авест. *xšudra-*, *xšudra-* ‘жидкий; жидкость; семенная жидкость, мужское семя’ и *xšusta-* ‘жидкий, размокший; плавильный (о металле)’; ст.-слав. *хоудъ* ‘мелкий, ничтожный, скудный’, рус. *худой*, чеш. *chudý* ‘бедный, неимущий’, ‘худой, тощий’, ‘плохой, скверный’, чеш. *chudrlavý*, словацк. *chud(e)rlavý*, польск. *chuderlawy* ‘худощавый’, укр. *худорба* ‘худоба’ и остальные многочисленные родственные лексемы в других славянских языках [19, p. 205; 12, с. 112–113].

Если приведённая этимология верна, праславянская форма должна продолжать прототип **ksoud-o-*. Следует отметить, что подобное чередование не представляется мотивированным, хотя теоретически возможно, особенно если учесть, что в древнеиндийском также засвидетельствована полная степень в глаголе.

Сопоставление с индоиранскими формами могло бы также доказываться вероятными когнатами в литовском – *skaudùs* ‘болезненный, больной’, *skurdùs* ‘скудный, бедный, убогий’ [12, с. 112–113]. Тем не менее, несмотря на кажущееся примечательным формальное совпадение др.-инд. *kṣud-r-a-* ~ слав. **xid-r⁻¹* ~ лит. *sku-r-dùs*, балтийские

¹ В польск. *chuderlawy* ‘худощавый’, чешск. *chudrlavý* ‘худощавый’, укр. *худерлявий*, *худорлявий* ‘худощавый’, *худорба* ‘худоба’. Особая близость подобных форм с др.-инд. *kṣud-r-a-* впервые отмечена ещё А.А. Потебнёй [8, с. 121]; также исследователь полагает, что прилагательное **sixъ* ‘сухой’ имело *o*-основу и *r*-основу в праславянском на основании польск. *sucherlawy* ‘сухощавый’, укр. *сухорлявий* ‘сухощавый’ [8, с. 121]. Нам представляется, что речь идёт в лучшем случае об аналогическом влиянии польск. *chuderlawy* и родственных форм. Более того, возможно, что **-г-* не было в праформе, а приведённые образования

лексемы предпочтительнее отделять от рассматриваемых индоиранских и славянских когнатов. Дело в том, что прилагательное *skaudùs* определённо образовано от глагола *skaudèiti* ‘болеть’, который сравнивается Э. Френкелем с литовским же *skùsti* (*skundù*, *skundaũ*) ‘уставать, заболеть’ [20, s. 798], а акцентуация литовских форм предполагает реконструкцию **skeud^h-*, что исключает как связь с греч. *σκυδικαίνα*, *σκύζομαι* ‘сердиться’ и *σκυθρός* ‘сердитый, мрачный, угрюмый’ [15, p. 1360], так и родство с др.-инд. *kṣódati* ‘толчёт, дробит’. *Skurdùs* ‘скудный, бедный, убогий’ также является производным от глагола *skurḅsti* ‘нуждаться’, который связывается с лит. *skerḅsti* ‘резать, колоть’ < и.-е. **skerd^h-* с полной степенью чередования [20, s. 803, 823; 29, s. 569].

Таким образом, все предполагаемые балтийские когнаты скорее являются вторичными производными от глагольных корней и не имеют настоящего древних внешних связей.

Необходимо коснуться и проблемы акцентуации славянских форм. Рассматриваемая нами праформа однозначно реконструируется с циркумфлексом и акцентной парадигмой с (АП с). В этом отношении она напоминает праформу слов, содержавших и.-е. **d^h*; ср.: **rúdb̄* (АП с) ‘красный, рыжий’ < **(h₁)roud^h-*. В то же время по закону Винтера ожидался бы акут. Данная метатония, однако, может объясняться действием правила Мейе [19, p. 206], соответственно, акцентные характеристики данного слова не имеют решающего значения для реконструкции праформы.

являются собственно польскими, чешскими и украинскими (в украинском они могут быть заимствованы из западнославянских языков).

Теперь необходимо обратиться к семантической реконструкции.

В славянских языках засвидетельствовано четыре основных значения для слов, продолжающих праслав. **xudъ*:

1) *плохой*¹, *злой*, *дурной* (древнерусский, полабский, современные южнославянские и восточнославянские языки);

2) *худой*, *тощий*, *слабый* (о теле) (западнославянские языки);

3) *маленький* (старославянский язык);

4) *бедный*, *нищий*, *представитель социальных низов* (старославянский, древнерусский, полабский, западнославянские языки)².

Тот факт, что в старославянских памятниках в основном представлены последние два значения [28, с. 803–804], может служить значительным аргументом в пользу родства славянских и индоиранских форм. Тем не менее, дистрибуция значений в современных славянских языках явно указывает на первоначальную семантику ‘слабый, худой; плохой, злой’. Также подобная реконструкция значения для праславянского слова подтверждается тем фактом, что уже в старославянском сравнительная степень *хоуждии* употребляется только в значении ‘худший’. Известно такое употребление и в других славянских языках, в том числе русском. Сравнительная степень с такой семантикой – весомый аргумент в пользу исконности значений ‘слабый, худой; плохой, злой’. Употребление

же слова *хоудъ* в старославянских памятниках в значениях ‘маленький’ и ‘бедный’ может объясняться особенностями перевода с древнегреческого. Особенно вероятно подобное соображение в свете того, что славянское слово обычно используется для перевода таких греческих лексем, как сравнительная степень *ἐλάσσων* ‘меньший’, которая может иметь и значение ‘худший’ [21, р. 528]. В этой связи необходимо отметить, что древнерусский язык, напротив, знает в основном 1-е и 4-е значения, а 3-е, свойственное старославянскому узусу, встречается исключительно в книжных памятниках, язык которых подвержен старославянскому влиянию [9, с. 1417–1419].

Теперь при помощи иранских данных следует уточнить семантику древнеиндийских слов, с которыми обычно связывают праслав. **xudъ*. Во-первых, очевидно, что иранские слова, принадлежащие к семейству глагола *kšódati* ‘толчёт, дробит’, имеют специфическую семантику, которая связана с водой / жидкостью. Она отражена в иранских производных данного глагола, авест. *xšudra-*, *xšudra-* ‘жидкий; жидкость; семенная жидкость, мужское семя’ и *xšusta-* ‘жидкий, размокший; плавильный (о металле)’ [14, s. 555; 24, s. 439]. Эти данные позволяют говорить о семантическом развитии ‘дробить, разделять’ > ‘делать жидким’ и ‘дробить’ > ‘маленький, крохотный’. В славянских языках подобная мотивация не прослеживается. При этом именно в славянском и ряде других индоевропейских языков можно найти примечательную семантическую параллель: рус. *жидкий* также означает ‘тонкий’ в словосочетаниях типа «жидкая борода»; греч. *μανός* ‘тонкий’ имеет ар-

¹ От этого значения развиваются побочные: др.-рус. *худыи* ‘некрасивый’, совр. рус. *худой* ‘дырявый’.

² При распределении значений мы опирались на данные 8 выпуска ЭССЯ [12].

мянскую параллель *tanr* 'маленький'; наконец, распространённое в индоевропейских языках слово со значением 'тонкий, редкий' (лат. *rârus*, лит. *rėtas* 'редкий', рус. *редкий*, др.-инд. *vi-rala-* 'разрозненный, скудный, редкий'¹) [17, р. 890–891]. Что касается перехода 'дробить' > 'маленький' (и наоборот), то он обычен и встречается, например, в русском языке: *дробить* > *дробь* (или наоборот?), *кроха* > *крошиться*.

Исследование семантики сравниваемых славянских и индоиранских лексем показывает, что единственная надёжная точка соприкосновения праслав. **xudъ* и др.-инд. *kṣudrá-* – это круг значений, связанный с семантикой 'низкий социальный и экономический статус'. Здесь легко усмотреть независимое развитие в славянских и древнеиндийском языках, поскольку семантические переходы 'маленький' > 'бедный' и 'плохой, злой' > 'бедный' одинаково тривиальны.

Соответственно, праслав. **xudъ* следует переводить как 'слабый, худой; плохой, злой'. Значение 'маленький' для ст.-слав. *хоудъ* носит исключительно книжный характер, не встречается в других славянских языках (кроме древнерусского, где оно появляется в результате старославянского влияния) и не должно восстанавливаться на праязыковой уровень. Скорее всего, это же касается и значения 'бедный, нищий', которое могло развиваться независимо в различных славянских идиомах.

Славянское прилагательное **xudъ* необходимо отделять от индоиранских форм ввиду семантики, ведь они име-

ют различные первоначальные значения. Таким образом, с семантической точки зрения версия Потебни – Педерсена представляется неправдоподобной.

Версия В.В. Иванова, в отличие от рассмотренной выше, с семантической точки зрения явно предпочтительнее. Действительно, слово *fyd / fud* обозначает 'плохой, злой, дурной' и употребляется в похожих по смыслу выражениях. Также сравнительная степень *fyddær* 'хуже' чаще образуется от этого слова, нежели от иронского *ævzær* и дигорского *læğuz* 'плохой' [1, с. 489]. Тем не менее, семантическая близость и похожие словообразовательные модели не отменяют проблем фонетического порядка, а их две.

Во-первых, совершенно неочевидна фонетическая субституция скиф. **f* > праслав. **x*, предполагаемая В.В. Ивановым, поскольку в германских заимствованиях наблюдается субституция **f* > **p*. Существует два примера, при этом один из них абсолютно надёжный: праслав. **postъ* 'пост (воздержание)' < прагерм. **fast-* 'пост (воздержание)' [26, р. 142–143] и праслав. **pergunja-* 'неприступное убежище' (?) < прагерм. **fergunjô* 'горный хребет' [26, р. 158–159]. Что касается второго слова, существуют версии о его исконности в славянских языках [5, с. 6–9], однако предположение о заимствовании из германских с присоединением праславянского суффикса **-ynji* также выглядит возможным. Можно, конечно, полагать, что данные заимствования из германского относятся к другому временному срезу, а предполагаемая В.В. Ивановым субституция **f* > **x* [3] происходила в праславянском раньше или позже. С другой

¹ Для древнеиндийского слова данная этимология ненадёжна – см. [23, с. 219], где слово признаётся «необъяснённым».

стороны, положительные примеры, которые доказывали бы такую точку зрения, отсутствуют. Праслав. **xaloga* ‘ограда, тын’ в конечном счёте восходит к греч. *φάλαγξ* ‘фаланга, ряд воинов в строю’¹, но здесь, как показал А. Лома, речь идёт о вероятном скифском посредстве: прямым источником праславянской лексики автор считает скиф. **χalanga* [6, с. 91]. Подкрепляется данное мнение тем соображением, что в скифском и родственных языках происходит совпадение праиранских спирантов *f, *θ и *χ в *χ (или *h) [6, с. 90–91].

Во-вторых, проблематичен вокализм корня. Можно было бы ожидать *u (*ou) только в том случае, если бы в иранской праформе был бы дифтонг, ср.: праслав. **gupa / *gupa* ‘определённая одежда’ < ир. **gaunuyā* ‘цветная, крашеная (шерсть)’ [11, с. 176]. Но осет. *fyd / fud* возводится к ир. **pū-ta-* ‘гнилой’ (от глагола **pū-* ‘гнить’) [1, с. 490; 16, р. 9; 18, р. 190], соответственно, при заимствовании из более раннего источника в славянском получили бы *у, более позднего – *ѳ (например, праслав. **xъmelь* < ~ осет. *xumællæg / xumællæg* ‘хмель’ < ир. **hauma-aryaka-* ‘арийский хом’ [12, с. 143–145; 2, с. 261]).

Итак, как ни привлекательна версия В.В. Иванова семантически, она не может быть принята по фонетическим причинам.

Исследование убеждает в том, что ни традиционная этимология Потевни – Педерсена, ни версия В.В. Иванова не могут считаться верными. Подобная ситуация побуждает к поиску других возможных решений. Мы думаем, что

¹ Необходимо указать на тот факт, что в греческом φ начинает произноситься как [f] в первые века новой эры [13, р. 20–23].

верное решение нашёл А.С. Мельничук, сравнивая **xudъ* прежде всего с праславянским же **xylъ* ‘хилый, слабый’ [7, с. 214–215]. Тем не менее, кажется, что уверенное возведение автором этих двух прилагательных к корню **kes-* ‘чесать, резать’ [7, с. 214–215], как и к любому другому индоевропейскому корню (для слов с начальным *x- в праславянском есть не так уж и много надёжных внешних соответствий), невозможно. Поэтому ниже мы постараемся сосредоточиться на славянском материале.

Слово **xylъ*, очевидно, связано с глаголами **xyliti* и *xuliti* ‘наклонять’, однако не представляется возможным установить, какое из них служит производным, а какое – дериватом. Соответственно, вероятное первоначальное значение **xylъ* – ‘косой, кривой’, отсюда ‘слабый, увечный’. Такое значение может развиваться и в значения праслав. **xudъ* ‘слабый, худой; плохой, злой’. Объединить формально эти слова можно на славянской почве, предположив, что существовал глагольный корень **хи-* / **ху-* ‘быть кривым’ (?), от которого образовывались основы **хи-d-* и **ху-l* (l-причастие?), а также *хи-l-*. Последняя, вероятно, образовалась позднее двух других. Похожие отношения объединяют, например, рус. *будущий* и рус. *былой*. Версия А.С. Мельничука о том, что эти слова восходят к индоевропейским основам с разными расширителями **ksou-d-* и **ksū-l-* [7, с. 214], представляется менее убедительной.

Дальнейшие связи внутри славянских языков в определённой степени проблематичны. Родственные формы с начальным **sk-* вместо **x-* предлагались как для **xylъ*, так и для **xudъ*.

Для первого слова предлагался когнат **skula* 'изгиб' [12, с. 156], а для второго – праслав. **skodъ* 'скудный' [22, s. 73; 10, с. 212]. Первое сопоставление более правдоподобно: оно предполагает только чередование **sk* / **x*, встречающееся на славянской почве, при этом семантика слов тождественна. Носовой же звук в слове **skodъ* трудно объяснить как-нибудь ещё, кроме как предположить, что в предполагаемом глаголе был носовой инфикс. Учитывая тот факт, что подобный инфикс есть всего у нескольких архаичных славянских глаголов, а у **skodъ* существуют и другие вероятные параллели [10, с. 661], представляется, что данное прилагательное не связано с **xudъ* и **xylъ*. Интересно также отметить определённую близость семантики с **xuba* 'ошибка, проступок', **xubati* 'качаться; ошибаться'. Данные лексемы сопоставляются с др.-инд. *kṣúbhyati*, *kṣóbhate* 'качается, дрожит' и авест. *xšaob-* 'приходить в возбужденное состояние' [12, с. 154].

Однако не выяснение дальнейшей этимологии **xudъ* и **xylъ* является основной задачей этой статьи. Очевидно, что данный вопрос требует отдельного исследования, поскольку существует большое количество возможных когнатов, каждый из которых нужно подробно проанализировать. Основной же вывод работы состоит в следующем: этимологии Потевни – Педерсена (др.-инд. *kṣudrá-* 'маленький' и т. д.) и В.В. Иванова (заимствование из скиф. **fud-*) для праслав. **xudъ* не могут быть верны, поэтому на данный момент наиболее вероятной представляется связь этого прилагательного с праслав. **xylъ* 'хилый, слабый', впервые отмеченная А.С. Мельничуком.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка: в 4 т. Т. 1. А – К'. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – 656 с.
2. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка: в 4 т. Т. 4. У – Z. – Л.: Наука, 1989. – 326 с.
3. Иванов В.В. Славяно-арийские (= индоиранские) лексические контакты // Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением. – М., 2002. – С. 17–51.
4. Иванов В.В. Труды по этимологии индоевропейских и древнепереднеазиатских языков: в 2 т. Т. 2. Индоевропейские и древнесеверокавказские (хаттские и хурритские) этимологии. – М., 2008. – 704 с.
5. Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. – М.: Наука, 1974. – 342 с.
6. Лома А. Праслав. **xalǫga* < др.-греч. *φάλαγγ-* и скифский переход *f > x* // Этимология 1997-1999. – М.: Наука, 2000. – С. 87–96.
7. Мельничук А.С. Корень **kes-* и его разновидности в лексике славянских и других индоевропейских языков // Этимология 1966. – М.: Наука, 1968. – С. 194–240.
8. Потевня А.А. Этимологические заметки // Живая старина. – 1891. – Вып. III. – С. 117–128.
9. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3-х т. Т. 3. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1912. – 1684 с.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. Муза – Сят. – 2-е изд., стереотипное. – М.: Прогресс, 1987. – 832 с.
11. Этимологический словарь славянских языков. Выпуск 7 (**golvašъ* – **gyžati*) /

- под ред. О.Н. Трубачева. – М.: Наука, 1980. – 224 с.
12. ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ словарь славянских языков. Выпуск 8 (*ха – *jъvьlga) / под ред. О.Н. Трубачева. – М.: Наука, 1981. – 252 с.
 13. Allen W.S. Vox Graeca. A guide to the pronunciation of Classical Greek. – Cambridge: at the University Press, 1968. – XVI. – 157 p.
 14. Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. – Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1904. – XXXII. – 2000 S.
 15. Beekes R.S.P. Etymological Dictionary of Greek. In two volumes. – Leiden-Boston: Brill, 2010. – XLVIII. – 1808 p.
 16. Benveniste E. Études sur la langue Ossète. – Paris: Librairie C. Klincksieck, 1959. – 166 p.
 17. Buck C.D. A Dictionary of selected Synonyms in the principal Indo-European Languages. – Chicago: The University of Chicago Press, 1949. – XIX. – 1515 p.
 18. Cheung J. Studies in the Historical Development of the Ossetic Vocalism. – Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2002. – XXX. – 331 p.
 19. Derksen R. Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon. – Leiden-Boston: Brill, 2008. – X. – 726 p.
 20. Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I-II. – Heidelberg-Göttingen: Carl Winter Universitätsverlag; Vandenhoeck & Ruprecht, 1962–1965. – XXIII. – 1560 S.
 21. Liddell H.G., Scott R. A Greek-English Lexikon. Revised and augmented throughout by Sir H.S. Jones with the assistance of R. McKenzie. With a revised Supplement. – Oxford: Clarendon Press, 1996. – XLV (2041 p.); XXI. – 320 p.
 22. Machek V. Studie o tvoření výrazů expresivních. – Praha: Filosofická fakulta University Karlovy, 1930. – 155 s.
 23. Mayrhofer M. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen: 4 Bde. Bd. III. Y-H. – Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1976. – XXIII. – 808 S.
 24. Mayrhofer M. Etymologisches Wörterbuch des Altindischen: 3 Bde. Bd. I. – Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1992. – LXIV. – 812 S.
 25. Pedersen H. Das indogermanische s im Slavischen // Indogermanische Forschungen. – 1895. – Bd. 5. – S. 33–87.
 26. Pronk-Tiethoff S. The Germanic loanwords in Proto-Slavic. – Amsterdam-NY: Rodopi, 2013. – X. – 316 p.
 27. Seebold E. Die Vertretung der indogermanischen Labiovelare im hethitischen Anlaut // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. – 1982–1983. – Bd. 96. – S. 33–49.
 28. Slovník jazyka staroslověnského / Hlavní redaktorka Z. Hauptová. – Praha: Academia euroslavica, 1997. – IV. C-V.
 29. Smoczyński W. Słownik etymologiczny języka litewskiego. – Wilno: Printer Polyglott, 2007. – XXVII. – 798 s.
 30. Uhlenbeck Chr. C. Etymologisches Wörterbuch der altindischen Sprache. – Amsterdam: Johannes Müller, 1898–1899. – XII. – 367 S.